

Память о материальном: семейный быт и домашнее хозяйство семьи арабистов в воспоминаниях В. А. Крачковской

О. И. Секенова

В статье на основе автодокументальных материалов, принадлежащих исследовательнице В. А. Крачковской, реконструируются практики повседневной жизни семьи ученых начала 1910-х гг.: исследуются домашнее рабочее пространство востоковедов, бюджет времени, распорядок дня, распределение домашних обязанностей и формы досуга. Исследование фокусируется на частной домашней повседневности ученых и их семейных отношениях, через призму которых становится возможным рассматривать глобальный процесс формирования национальных научных культур в историческом контексте. Мемуары В. А. Крачковской демонстрируют, как семейные отношения становятся основой для профессионального сотрудничества и самореализации женщины. Домашнее пространство и семейный уклад рассматриваются как факторы, повлиявшие на выбор В. А. Крачковской научной карьеры. Семейные отношения И. Ю. и В. А. Крачковских анализируются как профессиональное сотрудничество, в котором жена осваивает методы научного исследования под контролем и при помощи мужа и его коллег.

Ключевые слова: повседневность ученых, социальная история науки, женщины-ученые, профессиональное сотрудничество.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212, <https://rscf.ru/project/24-18-00212/>.

Для цитирования: Секенова О. И. Память о материальном: семейный быт и домашнее хозяйство семьи арабистов в воспоминаниях В. А. Крачковской // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 62–76. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_62. EDN: AKUEBC

Введение

Проблема мест производства научного знания вне академического пространства сегодня является актуальным вопросом в социальной истории науки. Историками эпоха модерна долгое время рассматривалась как период, вытеснивший исследования из домашних условий в общественные пространства (лаборатории и университеты), проведя тем самым жесткую границу между профессионалами и любителями [1, с. 74]. Тем не менее идея о том, что научные открытия могли происходить в любое время в любом месте (будь то аптека, дворец или детская спальня [1; 2]), сегодня становится распространенной в историографии. Для ученых-гуманитариев граница между домом и работой продолжает быть размытой даже в наши дни. Следовательно, исследование культурных практик производства научного знания предполагает также изучение домашнего пространства ученых и связанных с ним проблем домашнего уклада, семейной экономики и семейных отношений [2, с. 3].

От микроисторических вопросов мы обращаемся уже к более широкому пониманию повседневности ученого как сфере его личных и семейных отношений. Исследование распределения домашних обязанностей и ведения семейного бюджета, общения и сотрудничества в процессе совместной исследовательской работы дает возможность охарактеризовать многочисленные и исторически разнообразные формы научного сотрудничества семейных пар. Фокусируясь на частной домашней повседневности ученых и их семейных отношениях, становится возможным увидеть важные детали глобального процесса формирования национальных научных культур в историческом контексте.

В последнее десятилетие подобная оптика изучения проблем социальной истории науки встречается как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Так, на XXIII Международном конгрессе по истории науки и технологий изучение семейных и родственных партнерств в науке было заявлено как одно из важнейших направлений [3, с. 1–2]. В России с 2023 г. работает объединенный семинар Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Политехнического музея и Архива РАН «Семья в Российской науке. Исторический аспект», благодаря которому можно увидеть не только вклад отдельных научных династий, но и общие

научные и семейные традиции, влиявшие на исследовательские практики ученых прошлого [4, с. 609–610].

Институционализация науки в Российской империи в эпоху ускоренной модернизации совпадает со временем становления малой демократической семьи в России. Добровольно-принудительный характер заключения брака уступал место свободному волеизъявлению супругов, а женская эмансипация изменяла принципы супружеских отношений. Образованные дворянки одними из первых отозвались на формирование нового типа брачности в современных государствах, для которого были характерны позднее вступление в брак, высокая доля безбрачия, малодетность или бездетность [5, с. 73–74]. В научных семьях модель «муж-ученый/ жена-ассистент» постепенно начинает уступать место иным, самым разнообразным формам сотрудничества супругов [4]. Исследователи Д. Опитц, А. Ликкнес и Б. Ван Тиггелен называют определяющими для вовлечения замужней женщины в науку следующие факторы: поддержка мужа, финансовая стабильность (в т. ч. позволяющая нанимать помощников по дому) и отсутствие детей [3, с. 11]. Какую роль в этом процессе играло домашнее рабочее пространство – безопасное и комфортное, позволяющее женщине вникать в профессиональные проблемы супруга и с его помощью обучаться научным исследованиям? Поиск ответов на эти вопросы должен быть основан на изучении частной истории каждой отдельной семьи ученых и тщательном анализе автодокументальных текстов, содержащих нередко обрывочную информацию об их домашнем укладе.

Мужские автодокументальные тексты, принадлежавшие перу ученых, реже сохраняют детали повседневности, главной темой их становится публичное пространство профессиональной самореализации, проблемы преподавания и научной работы. Женские эгодокументы в большей степени сосредоточены на сферах женской самореализации, для которой был важен баланс между профессиональными аспектами и личными отношениями.

В центре внимания данного исследования – автодокументальные тексты, принадлежащие В. А. Крачковской. Вера Александровна Крачковская (Федорова, Фармаковская; 1884–1974 гг.) – супруга академика И. Ю. Крачковского, в 1920-е гг. под влиянием мужа занявшаяся наукой, работавшая в сфере

востоковедения и арабистики. Воспоминания В. А. Крачковской не опубликованы, хранятся в архиве семьи Крачковских в СПбФ АРАН (ф. 1026) и представляют собой подробное описание детских лет Веры Александровны и ее жизни в браке с И. Ю. Крачковским в периоды 1912–1928 и 1941–1944 гг. [7; 8]. Также личный фонд содержит многочисленные финансовые и хозяйственные документы, принадлежавшие В. А. Крачковской: расходные книги, списки вещей, необходимых при переезде, списки любимых блюд и записи рецептов [9]. Хотя семейный архив Крачковских использовался арабистом А. А. Долининой при создании подробной творческой и личной биографии Игнатия Юлиановича «Невольник долга», эти источники практически не встречаются в трудах по истории повседневности научных работников [10; 11]. В данной статье на основе автодокументальных текстов В. А. Крачковской реконструируются детали дореволюционной повседневности семьи молодого ученого, особенности организации пространства для домашней работы и факторы, повлиявшие на ее решение заниматься арабистикой.

Поиск жилья и интерьер квартиры ученого

Весной 1909 г. в Каире на Международном конгрессе археологов произошло знакомство Веры Александровны Фармаковской (в девичестве Федоровой), невестки археолога Б. В. Фармаковского, и молодого арабиста И. Ю. Крачковского, находящегося в длительной заграничной командировке. И. Ю. Крачковский помогал соотечественникам, выступая в роли гида и переводчика. В начале 1911 г. Вера Александровна рассталась с супругом, инженером В. В. Фармаковским, был начат бракоразводный процесс. Хотя расторжение брака в Российской империи начала XX в. все еще было непростой задачей, требовавшей глубоких юридических знаний и понимания бюрократических процессов, обычно занимавших не менее трех лет, уже через 15 месяцев после начала процесса В. А. Фармаковская получила официальный документ, подтверждающий право «вступить в новый второй брак с лицом беспрепятственным» [10, с. 127]. В 1912 г. Игнатий Юлианович Крачковский и Вера Александровна Фармаковская смогли пожениться, несмотря на возражения родных и знакомых [10, с. 122–123]. Финансовое положение молодых супругов было стабильным: Вера Александровна была внучкой

К. П. Печаткина, владельца Красносельской бумажной фабрики, И. Ю. Крачковский делал успешную академическую карьеру (с 1910 г. был приват-доцентом Петербургского университета).

Врачи не рекомендовали Вере Александровне по состоянию здоровья жить в Петербурге. Туберкулезный процесс в легком был остановлен [10, с. 123], но судя по обращению к известному врачу-гинекологу и неонатологу А. Л. Владыкину [8, л. 6 (об.)], речь шла и о проблемах женского здоровья – после потери единственного ребенка Веры Александровны. Вероятно, основанием для подобных советов был отмечаемый историками повседневности особый «мужской голос» столицы и общая атмосфера мегаполиса, не способствовавшая женскому здоровью [12, с. 199]. А. Л. Владыкин рекомендовал выезжать в Петербург лишь в крайнем случае, а для места жительства молодой семьи советовал Царское Село. В. А. Крачковская писала, что поселиться в Царском Селе можно было только «по представлении рекомендации двух лиц с высоким положением» [8, л. 4 (об.)] – и молодая семья обратилась к неременному секретарю Академии наук, востоковеду С. Ф. Ольденбургу и сенатору Арсеньеву. После полученного разрешения молодожены сняли пятикомнатную квартиру на верхнем этаже деревянного дома в Царском Селе. Вера Александровна взяла на себя большую часть хлопот: занималась перевозкой и организацией пространства дома.

Как правило, представители интеллигенции и служащие в Петербурге старались селиться ближе к месту службы, чтобы иметь возможность добираться пешком [13, с. 22–23]. Жизнь за городом вносила свои коррективы в рабочий график И. Ю. Крачковского: теперь он не мог ежедневно вдоволь заниматься в библиотеках и архивах Петербурга, как в период холостой жизни – необходимо было обустраивать жилище подходящим образом для домашней научной работы. Пространством науки в новой квартире стал кабинет Игнатия Юлиановича: туда из его старой квартиры переехали разборные шведско-американские полки с книгами и рабочее кресло, служившее ему с детских лет. Свадебным подарком тещи был шведско-американский письменный стол [8, л. 8 (об.)]. В начале XX в. среди русской научной и творческой интеллигенции бытовали представления о шведско-американской мебели как эргономичной и пригодной для здоровых условий интеллекту-

ального труда [14; 15, с. 76, 77]. Примечательно, что «шведско-американской» эта модульная мебель называлась только в русских торговых домах – в англо-американском интерьере разборные книжные шкафы, полки которых можно было перемещать, не вынимая книг, или докупать по мере расширения библиотеки, назывались «книжными шкафами барристера». Предполагалось, что именно успешные барристеры (адвокаты), с одной стороны, нуждаются в обширной библиотеке, которую можно легко перемещать, а с другой стороны, достаточно богаты, чтобы позволить себе модную и качественную мебель. В «шведско-американскую мебель» русских торговых домов шкафы барристеров могли превратиться по двум причинам: во-первых, среди американских производителей модульных книжных шкафов одним из известных (но не единственным) было мебельное предприятие Лундстремов – американских эмигрантов из Швеции [16]. Вторая возможная причина: в начале XX в. на территории Финляндии появляется несколько крупных мебельных фабрик под руководством шведов, производивших книжные шкафы и столы по истекшим американским патентам уже из местной древесины [17]. Таким образом, модульные книжные шкафы и рабочие столы рекламировались как американские, но были произведены на территории Швеции или Финляндии. Хотя подобная мебель зачастую воспринималась как «конторская», в Российской империи ее использовали для обстановки домашних кабинетов.

Из-за частой смены квартир представителями петербургской интеллигенции [18, с. 269] острой проблемой была постоянная необходимость перевозки книг – и система модульных книжных полок легко эту проблему решала. Библиотека регулярно и обильно пополнялась – гонорар от своих литературных публикаций (по воспоминаниям В. А. Крачковской, небольшой) Игнатий Юлианович полностью тратил на пополнение библиотеки русскими и зарубежными изданиями. Гонорар за статьи, напечатанные за границей, он оставлял на счетах издателей и антикваров, заказывая у них редкие книги (таким образом экономя на обмене валюты и пересылке денег). Расходы на книги в семье ученых воспринимались как обязательные и неоспоримые, судя по расходным книгам, Вера Александровна не следила за этой частью семейного

бюджета (хотя расходы на канцелярские принадлежности и ноты ведала именно она [9, л. 3 (об.) – 4]). И. Ю. Крачковский находился в переписке с иностранными востоковедами и обменивался с ними книгами, через своих знакомых зарубежных антикваров принимал участие в посмертных распродажах библиотек ученых. В. А. Крачковская вспоминала, как в день 1 апреля подшучивала над мужем, завернув одну из его старых книг в новую бандерольную обертку с ярлыком.

Рекламные проспекты обещали, что в бюро и письменных столах шведско-американской системы «ни одно местечко не пропадает и каждый уголок утилизируется для возможно удобного размещения бумаги в отделениях» [19, с. 95]. Подобное бюро, подаренное тещей, соответствовало привычке Игнатия Юлиановича к порядку в бумагах. Так, он предпочитал вести подробный учет всех прочитанных книг – библиографию составлял на маленьких листочках, делал обязательные аннотации и выписки [10, с. 169]. По воспоминаниям И. Ю. Крачковского, указатель к истории мусульманского ученого ад-Динавери (лишь один из многочисленных проектов Игнатия Юлиановича) во время работы над ним представлял собой более 2 тыс. карточек, бережно хранимых [20, с. 201]. Во время продолжительной работы за столом Игнатий Юлианович жаловался, что зимой «застывали ноги, хотя в комнатах было тепло» [7, л. 15]. Заботясь о муже, Вера Александровна купила меховой мешок для саней, который регулярно подновляла. При передаче библиотеки И. Ю. Крачковского в Государственную публичную библиотеку (сегодня – Российская национальная библиотека), вместе с книгами были переданы вещи, украшавшие кабинет: старинная бронзовая настольная лампа, восточные металлические вазы, скульптура бедуина на лошади работы Е. Е. Лансере (с семьей художника дружила Вера Александровна) и другие сувениры, привезенные Игнатием Юлиановичем из поездок по Востоку [21].

Образу кабинета ученого в мемуарах противопоставляется остальная часть квартиры семьи арабистов, предназначенная для отдыха и семейного общения. Столовая, спальня и кухня были пространством, полностью принадлежавшим молодой хозяйке. В обстановке столовой Вера Александровна особо отмечала новые покупки и свадебные подарки: буфет, обеденный стол и шести стульев, небольшой самовар на восемь стаканов,

телефон и барометр. Она сожалела, что после развода продала бывшему мужу В. В. Фармаковскому буфет, который он забрал вместе со всей посудой. Постепенно семья ученых обзаводилась необходимыми, по мнению Веры Александровны, вещами: кухонной утварью, чайным сервизом, хрусталем... Также в обстановке гостиной привлекали внимание необычные настенные часы – подарок друга семьи дипломата И. И. Десницкого. Часы были привезены из Сиам сестрой И. И. Десницкого Екатериной – женой сиамского принца Чакрабона [22] и изящно вписывались в создаваемый В. А. Крачковской интерьер семьи востоковедов. Непритязательной была и обстановка супружеской спальни: практически вся мебель до замужества принадлежала Вере Александровне – мраморный умывальник, бельевой шкаф, буковая ширма. «В спальне стояли две непарные кровати: моя с сеткой и И. Ю-ча, еще отцовская» [7, л. 9].

Повседневность семьи молодого ученого

Распорядок дня семьи Крачковских Вера Александровна описывала так: в 7 часов утра вставал Игнатий Юлианович, закрывал открытое на ночь окно, шел пить кофе и в 7–45 покидал дом. «Мне вставать так рано не разрешалось» [7, л. 9] – Вера Александровна строго выполняла рекомендации врачей. И. Ю. Крачковский 15 минут тратил на дорогу от дома до Царскосельского вокзала, на поезде через 26–27 минут приезжал в Петербург, затем пешком шел в университет, в аудитории которого попадал точно к началу лекции – 9 утра. Домой И. Ю. Крачковский возвращался около 4 часов дня. Обедал, полчаса отдыхал, затем садился за письменный стол и принимался за работу до вечера. Еще будучи холостяком, И. Ю. Крачковский был привычен к постоянной научной работе (утро – в рукописном отделе или библиотеке, после обеда до вечера – работа над текстом диссертации [10, с. 122]). Как и другие востоковеды, И. Ю. Крачковский одновременно мог трудиться над несколькими научными и издательскими проектами (более подробно о «мастерской историка» можно прочесть в его автобиографической книге «Над арабскими рукописями»).

За то время, что муж был занят делами, Вера Александровна успевала сделать необходимые распоряжения по хозяйству, купить или заказать продукты, помогала горничной готовить обед или готовила сама. Два раза в неделю у финской крестьянки поку-

пали густые сливки, творог, сметану. Кондитерские изделия брали в кондитерской Голлербаха на Соборной площади в Царском Селе. Овощи на зиму осенью покупали у крестьян (весь зимний запас овощей вместе с доставкой и укладкой на сухой песок в погребе обходился около 10 рублей [7, л. 12]). Сухие запасы провизии В. А. Крачковская пополняла дважды в месяц, единственной обязанностью Игнатия Юлиановича было закупать алкоголь (вина, также в доме обязательно «водилась и зубровка с травинкой внутри, и рябиновка» [7, л. 21]). Задачей Веры Александровны было продумать обеденное меню: некоторые блюда подавались раз в неделю – кислые щи с грудинкой и гречневой кашей, грибная лапша, суп из фасоли, отварное мясо с солеными груздями, жареная утка с яблоками. Один раз в неделю обязательно пекли сдобную ватрушку, и один раз – домашний сдобный хлеб.

«Я никогда не скучала» [7, л. 15], – пишет о себе Вера Александровна. Время, свободное от домашних дел, она посвящала рисованию и музицированию. Вечерами супруги играли дуэты на фортепиано и фисгармонии, играли в прятки, ходили гулять по царскосельским паркам. В доме постоянно были гости: друзья Игнатия Юрьевича, мать Веры Александровны, сестры обоих супругов бывали на всех праздниках, приезжали даже без предупреждения. Иногда гостили коллеги И. Ю. Крачковского – русские и иностранные востоковеды. В. А. Крачковская не упоминает о визитах учеников мужа – как правило, с ними он успевал встречаться в Петербурге. Большую часть свободного времени В. А. Крачковская тратила на помощь мужу: переписывала его работы, копировала необходимые источники – тем самым знакомилась не только с тематикой работ Игнатия Юлиановича, но и с его научным методом.

Время для занятий наукой высвобождалось благодаря работе прислуги. Кроме помощницы по хозяйству, семья Крачковских оплачивала услуги дворника, полотера, печника (в 1915 г. в сумме жалование прислуги составляло 14 р. 65 к. [9, л. 4]). От прислуги отказались только в тяжелом январе 1919 г. [9, л. 11]. Описание эмоционально окрашенных отношений с домашними помощницами занимают изрядную часть мемуаров Веры Александровны: поиск хорошей помощницы по дому был трудоемкой задачей, отношения приходилось выстраивать даже в случае взаимного недовольства хозяйки и прислуги. Так, с одной из помощниц

Вера Александровна рассталась только после того, как она сначала подпалила горячей газетой, а затем ошпарила котенка Саида – недостаток кулинарных умений и нечистоплотность были недостаточными поводами для увольнения.

Первая мировая война вынудила семью Крачковских переехать в Санкт-Петербург, в дом матери Веры Александровны. Домашний уклад резко изменился: вести домашнее хозяйство продолжала В. А. Крачковская, обижаясь на то, что в дела вмешивается ее мать как хозяйка дома. Домашняя работа ученого стала невозможной (Вера Александровна возмущалась, что «Игнаше мешают отдыхать болтовней по телефону» [8, л. 4] и тем, что приходилось следить за племянницей Марусей). Если бы не экстремальная повседневность Великой российской революции, В. А. Крачковская могла бы и не стать самостоятельной исследовательницей, а остаться добровольной помощницей мужа. Документы сохранили историю ее профессионального становления, произошедшего под давлением внешних обстоятельств: сначала она, желая освободиться от трудовой повинности, зарегистрировалась в Первом Петроградском университете как «несущая труд домашней хозяйки в семье ученого», затем поступила в Институт истории искусств на мусульманское отделение, после окончания которого уже выступала как самостоятельная исследовательница, с правом доступа ко всем материальным благам, причитающимся советским ученым (регистрация В. А. Крачковской как научного работника в Ленинград КУБУ давала «право на одну дополнительную комнату сверх общего числа комнат, полагающихся ему и членам его семьи по общегражданской норме» [9, л. 85], дополнительный участок огорода на территории Ботанического сада Академии наук [9, л. 132]). Искренний интерес к арабской культуре, поддерживаемый мужем, позволил Вере Александровне сделать успешную академическую карьеру, специализируясь в области арабской эпиграфики и материальной культуре народов Востока.

Обсуждение и выводы

Мемуары В. А. Крачковской представляют идиллическую картину жизненного уклада семьи востоковедов в последние спокойные годы перед Первой мировой войной и Великой российской революцией. Жизнь молодой семьи, с одной стороны, была под-

чинена академической карьере мужа, с другой – организована для точного выполнения рекомендаций врачей, лечащих жену. Мемуары В. А. Крачковской позволяют посмотреть на рабочий кабинет ученого-востоковеда глазами жены, заботившейся об удобстве мужа и расширить представления о том особом мире, в котором происходили научные исследования арабиста. Зонирование домашнего пространства на рабочее, для отдыха, хозяйственных нужд определяло также и устройство повседневной жизни ученых: привычная и эргономичная обстановка кабинета позволяла легко сосредоточиться на исследовательской работе, интерьер столовой и спальни выполнял рекреационные задачи.

В своих воспоминаниях В. А. Крачковская предстает в образе любящей жены, главная цель которой – создание условий для работы мужа. Автогероиня воспоминаний выполняет все функции идеальной городской хозяйки, описанные В. А. Веременко [23, с. 316]: ведет бюджет, старается экономить, контролирует работу прислуги, делает запасы и, главное, создает в доме уют. К этому обязательному набору функций добавляются занятия благотворительностью, хобби (рисование и музыка) и, главное, помощь мужу в научных исследованиях. В тексте мемуаров заметна неотделимость досуга и вспомогательной научной работы, которую женщина воспринимает как еще одну форму заботы о муже. Второй брак становится для Веры Александровны временем осознания своих собственных научных интересов и устремлений. То, что И. Ю. Крачковский занимался исследованиями дома и активно вовлекал в них жену можно интерпретировать не столько как дополнительный неоплачиваемый домашний труд женщины в помощь мужу, сколько как успешный способ интеграции и подготовка В. А. Крачковской к ее будущей профессии арабиста. «Второй сменой» будущей исследовательницы становится именно научная работа, выполняемая в свободное время, после обязанностей домашней хозяйки. Семейные отношения становятся основой профессионального сотрудничества, в котором жена осваивает методы научного исследования под контролем и при помощи мужа и его коллег. В условиях экстремальной повседневности 1910-х гг. начало востоковедческой карьеры для В. А. Крачковской становится не только возможностью улучшить материальное положение семьи и новой формой заботы об условиях работы мужа, но и необычным вариантом

«Эмансипации» от влияния мужа и самореализации в качестве самостоятельной исследовательницы.

Список литературы

1. Von Oertzen C., Rentetzi M., Watkins E. S. Finding Science in Surprising Places: Gender and the Geography of Scientific Knowledge Introduction to 'Beyond the Academy: Histories of Gender and Knowledge' // *Centaurus*. – 2013. – Vol. 55. – Pp. 73–80. DOI:10.1111/1600-0498.12018.
2. Opitz D. L., Bergwik S., Van Tiggelen B. Domesticity in the Making of Modern Science. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 299 p.
3. Lykknes A., Opitz D. L., Van Tiggelen B. For Better or for Worse? Collaborative Couples in the Sciences. *Science Networks: Historical Studies*, 44. – Basel: Birkhäuser, 2012. – 319 p.
4. Валькова О. А. «Детство в научной среде: преимущество или потеря» – по материалам Международной конференции «Семья и детство в повседневной жизни: история и современность» // *Вопросы истории естествознания и техники*. – 2023. – Т. 44. – № 3. – С. 609–612. – DOI 10.31857/S020596060027059–6. – EDN RBCYCH.
5. Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX – начала XX в. // *Женщина в российском обществе*. – 2016. – № 3 (80). – С. 73–89. DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.7. EDN: WWJPLZ.
6. Pycior H. M., Slack N. G., Abir-Am P. Creative Couples in the Sciences. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1996. – 350 p.
7. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 1026. Оп. 7. Д. 25.
8. СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 7. Д. 27.
9. СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 7. Д. 9.
10. Долинина А. А. Невольник долга: Биограф. И. Ю. Крачковского. СПб.: Центр «Петербург. Востоковедение», 1994. 459 с.
11. Васильева О. В. Русские арабисты И. Ю. и В. А. Крачковские // *Studia Orientalia*. Helsinki, – 2003. – Vol. 97. – P. 299–310.
12. Лапин В. В. Петербург: запахи и звуки. СПб.: Европейский Дом, 2007. 281 с.
13. Веременко В. А. Факторы, определявшие выбор места жительства столичной дворянско-интеллигентской семьи в последней трети XIX – начале XX в. // *Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–16 марта 2019 г.* Т. 2. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 22–31. EDN: GXIXCM.
14. Главный склад шведско-американской конторской мебели: усовершенствованная конторская, кабинетная и библиотечная обстановка (американской системы): каталог № 10. Петроград: Типография А. Бенке, 1916. 63 с.
15. Лансере Е. Е. Дневники. Кн. 3: Художник и государство. М.: Искусство – XXI век. 2009. 794 с.
16. Lundstrom sectional bookcases. C. J. Lundstrom. – Little Falls, N.Y. 1921. – 32 p.
17. Николаева Н. А. Мебельное производство Великого княжества Финляндского в контексте развития региональной культуры конца XIX начала XX века // *Вестник СПбГИК*. – 2014. – № 3 (20). – С. 173–176. EDN: SJSZRR.
18. Юхнёва Е. Д. Петербургские доходные дома. М.: Центрполиграф-Дельта, 2008. 362 с.
19. Альбом товарищества на паях Ж. Блок. М.: Типография товарищества Н. Кушнерев и К., 1901. 263 с.
20. Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями: листки воспоминаний о книгах и людях. М.: Наука, 1965. 231 с.
21. Вартанов Ю. П. Мемориальная библиотека-кабинет академика И. Ю. Крачковского: содержание и перспективы ее использования // *Труды Государственного Эрмитажа: Судьбы книжных собраний России до и после революции 1917 года: материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 26–28 октября 2017 г.* – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2022. – С. 177–182. EDN UONXCM.

22. Иванова Е. В. Екатерина Десницкая – мorganатическая жена сиамского принца Чакрабона // Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований: Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2011–2012. Вып. 7. – СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2013. – С. 76–81. EDN: XEYWDX.

23. Веремченко В. А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 марта 2017 г. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 315–323. EDN: YGHZRZ.

The Memory of the Material: Family Life and Household of an Arabists' Family Described in V. A. Krachkovskaya Memoirs

Olga I. Sekenova

Based on the ego-documents of researcher V. A. Krachkovskaya, the article reconstructs the daily life practices of a family of scientists in the early 1910s: the study examines the home workspace of Orientalists, time budget, daily routine, distribution of household duties and forms of leisure. The article focuses on the private everyday life of scientists and their family relationships, through the prism of which it becomes possible to analyze the global process of national scientific cultures' formation in the historical context. The memoirs of V. A. Krachkovskaya demonstrate how family relationships become the basis for professional cooperation and self-realization of a woman. The author considers home space and family life as factors that influenced the choice of V. A. Krachkovskaya's scientific career. The family relations of I. Yu. and V. A. Krachkovsky are analyzed as a professional collaboration in which the wife learns the methods of scientific research under the supervision and with the help of husband and his colleagues.

Key words: daily life of scientists, social history of science, women scientists, professional cooperation.

Acknowledgments: the research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00212 (<https://rscf.ru/project/24-18-00212>).

For citation: Sekenova, O. I. (2025) Pamyat' o material'nom: semejnij byt i domashnee hozyajstvo sem'i arabistov v vospominaniyah V. A. Krachkovskoj [The Memory of the Material: Family Life and Household of an Arabists' Family Described in V. A. Krachkovskaya Memoirs]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 62–76. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_62. EDN: AKUEBC

References

1. Von Oertzen, C., Rentetzi, M., Watkins, E. S. (2013) Finding Science in Surprising Places: Gender and the Geography of Scientific Knowledge Introduction to 'Beyond the Academy: Histories of Gender and Knowledge'. Centaurus. Vol. 55. Pp. 73–80. DOI:10.1111/1600-0498.12018.
2. Opitz, D. L., Bergwik, S., Van Tiggelen, B. (2015) Domesticity in the Making of Modern Science. New York: Palgrave Macmillan.
3. Lykknes, A., Opitz, D. L., Van Tiggelen, B. (2012) For Better or for Worse? Collaborative Couples in the Sciences. Science Networks: Historical Studies, 44. Basel: Birkhäuser.

4. Val'kova, O. A. (2023) "Detstvo v nauchnoj srede: preimushchestvo ili poterya" – po materialam Mezhdunarodnoj konferencii "Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremenost'" ["Childhood in the Scientific Environment: Advantage or Loss" – Based on the Materials of the International Conference "Family and Childhood in Everyday Life: History and Modernity"]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology]. Vol. 44. No. 3. Pp. 609–612. (In Russ.). DOI 10.31857/S020596060027059-6. EDN RBCYCH.

5. Pushkareva, N. L., Micyuk, N. A. (2016) *Modernizatsiya reproduktivnogo povedeniya obrazovannykh rossiyanok vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* [Modernization of Reproductive Behavior of Educated Russian Women in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 3 (80). Pp. 73–89. (In Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.7. EDN: WWJPLZ.

6. Pycior, H. M., Slack, N. G., Abir-Am, P. (1996) *Creative Couples in the Sciences*. New Brunswick: Rutgers University Press.

7. *Sankt-Peterburgskij filial Arhiva Rossijskoj akademii nauk* [The Archive of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Branch] (hereinafter – SPbF ARAN). F. 1026. Op. 7. D. 25.

8. SPbF ARAN. F. 1026. Op. 7. D. 27.

9. SPbF ARAN. F. 1026. Op. 7. D. 9.

10. Dolinina, A. A. (1994) *Nevol'nik dolga* [The Slave of Duty: I. Y. Krachkovsky Biography]. St. Petersburg: Centr "Peterburg, vostokovedenie". (In Russ.)

11. Vasilyeva, O. V. (2003) *Russkie arabisty I. Yu. i V. A. Krachkovskie* [Russian Arabists I. Yu. and V. A. Krachkovsky]. *Studia Orientalia*. Helsinki. Vol. 97. Pp. 299–310. (In Russ.)

12. Lapin, V. V. *Peterburg: zapahi i zvuki* [Petersburg: smells and sounds]. St. Petersburg: Evropejskij Dom. (In Russ.)

13. Veremenko, V. A. (2019) *Faktory, opredelyavshie vybor mesta zhitel'stva stolichnoj dvoryansko-intelligentnoj sem'i v poslednej treti XIX – nachale XX v.* [Factors Determining the Choice of Residence of the Capital's Noble and Intellectual Family in the Last Third of the 19th – Early 20th Century]. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremenost'* [Natural and Geographical Factors in the Daily Life of the Russian Population: History and Modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 14–16 March 2019, St. Petersburg. Vol. 2. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 22–31. (In Russ.) EDN: GXIXCM.

14. (1916) *Glavnyj sklad shvedsko-amerikanskoj kontorskoj mebeli: usovershenstvovannaya kontorskaya, kabinetnaya i bibliotechnaya obstanovka (amerikanskoj sistemy): katalog № 10* [The Main Warehouse of Swedish-American Office Furniture: Improved Office and Library Furniture (American system): Catalog No. 10]. Petrograd: A. Behnke Printing House. (In Russ.)

15. Lancere, E. E. (2009) *Dnevnik. Kn. 3: Hudozhnik i gosudarstvo* [The Diaries. Book 3: The Artist and the State] Moscow: Iskusstvo – XXI vek. (In Russ.)

16. (1921) *Lundstrom sectional bookcases*. C. J. Lundstrom. Little Falls, N.Y.

17. Nikolaeva, N. A. (2014) *Mebel'noe proizvodstvo Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v kontekste razvitiya regional'noj kul'tury konca XIX – nachala XX veka* [Furniture production of the Grand Duchy of Finland in the context of development of regional culture of the late XIX – early XX century]. *Vestnik SPbGIK* [Bulletin of SPbGIK]. No. 3 (20). Pp. 173–176. (In Russ.). EDN: SJSZRR.

18. Yukhneva, E. D. (2008) *Peterburgskie dohodnye doma* [St. Petersburg Apartment Buildings]. Moscow: Tsentrpoligraf-Delta. (In Russ.)

19. (1901) *Al'bom tovarishchestva na payah Zh. Blok* [Album of the Partnership on Shares J. Blok]. Moscow: Printing house of the partnership N. Kushnerev and K. (In Russ.)

20. Krachkovsky, I. Y. (1965) *Nad arabskimi rukopisyami: listki vospominanij o knigah i lyudyah* [On Arabic Manuscripts: Sheets of Memoirs about Books and People]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

21. Vartanov, Yu. P. (2022) *Memorial'naya biblioteka-kabinet akademika I. YU. Krachkovskogo: sodержание i perspektivy ee ispol'zovaniya* [Memorial Library of Academician I. Y. Krachkovsky: Content and Prospects of its Use]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: Sud'by knizhnykh sobranij Rossii do i posle revolyucii 1917 goda: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 26–28 oktyabrya 2017 goda* [Proceedings of the State Hermitage Museum: The Fate of Russian Book Collections before and after the 1917 Revolution: Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, October 26–28, 2017]. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House. Pp. 177–182. (In Russ.). EDN UONXCM.

22. Ivanova, E. V. (2013) *Ekaterina Desnickaya – morganaticheskaya zhena siamskogo princa Chakrabona* [Ekaterina Desnitskaya – the Morganatic Wife of the Siamese Prince Chakrabon]. *Kyunerovskij sbornik: Materialy Vostochnoaziatskih i Yugo-Vostochnoaziatskih issledovanij: Et-nografiya, fol'klor, iskusstvo, istoriya, arheologiya, muzevedenie. 2011–2012*. [Kunerovsky Collection: Materials of East Asian and South-East Asian Studies: Ethnography, Folklore, Art, History, Archeology, Museology. 2011–2012]. Iss. 7. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. Pp. 76–81. (In Russ.). EDN: XEYWDX.

23. Veremenko, V. A. (2017) *Hozyajka na kuhne: adaptacionnye praktiki v zhizni rossijskoj dvo-ryanskoj sem'i vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [The Hostess in the Kitchen: Adaptation Practices in the Life of a Russian Noble Family in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. *Ekstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoj revolyucii 1917 g.)* [Extreme in the Daily Life of the Russian Population: History and Modernity (to the 100th Anniversary of the Russian Revolution of 1917)]. Proceedings of the International Scientific Conference, 16–18 March 2017, St. Petersburg. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 315–323. (In Russ.). EDN: YGHZRZ.

Об авторе

Секенова Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: jkzkray@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9246-2728

About the author

Sekenova Olga I., Candidate of Historical Sciences, Researcher, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: jkzkray@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9246-2728

*Статья поступила в редакцию 02.10.2024
Одобрена после рецензирования 20.01.2025
Принята к публикации 25.01.2025*